

# СЛАВЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК В СОМЕШЕНИ

Археологические исследования, производившиеся в октябре 1956 года в селе Сомешени, в окрестностях Клузы, хотя и незначительные по своим размерам привели к столь же неожиданным, сколь и важным результатам. Они осветили один из самых неизвестных периодов нашей древней истории между серединой VII и концом IX вв. н. э. Весь этот отрезок времени, почти два с половиной столетия, не был освещен ни археологическими находками, ни повествовательными либо какими бы то ни было другими источниками. Между последними находками аварского происхождения в Трансильвании и находками, относящимися к первой половине X в. и касающимися язычников венгров, проникнувших в Трансильванию из паннонской степи, существует почти полный пробел. Этот пробел в нашей археологической документации может быть в известной мере пополнен археологическими находками в Сомешени. Сведения, полученные нами, тем более ценны, что они относятся именно к той эпохе, когда славянские племена заселяли территорию бывшей Дакии и смешивались с дако-романским населением. Эта эпоха играет решающую роль в вопросе формирования нынешнего румынского народа, но наши сведения о ней ограничивались очень немногочисленными письменными источниками или лингвистическими данными. Представленное исключительно полным археологическим комплексом, точным и не вызывающим сомнения, сомешенское открытие является отправной точкой для изучения данной эпохи. Вместе с тем появляется возможность более правильной ориентировки для изучения предшествующего ей времени по более точным хронологическим лимитам и более верным этническим данным, а также и для изучения следующего за этой эпохой времени благодаря исторически правильному освещению сведений о событиях X века.

Не имея возможности подробно описать и проанализировать Сомешенскую находку, ограничимся лишь общим, строго необходимым <sup>1</sup> перечнем, сопровождаемым приложенными к настоящей работе иллюстрациями. Взамен этого мы постараемся набросать основные исторические соображения о Сомешенском могильнике, одни — о славянской культуре и славянской древности вообще, другие — о пребывании славян в Трансильвании и вытекающие из этого новые положения и события.

---

<sup>1</sup> Более подробное описание находок дано в предварительном докладе об археологических ис-

следованиях в Сомешени в «Materiale», V, 1959, стр. 519—529.

Могильник расположен на территории села Сомешени в непосредственной близости от г. Клуж, древнего Напока, справа от долины реки Сомешул Мик (рис. 1). Он состоит из еще неустановленного числа курганов, восемь из которых уже были обнаружены в поле за курортом Сомешени, между болотом, снабжающим этот курорт, селом Сомешени, станцией

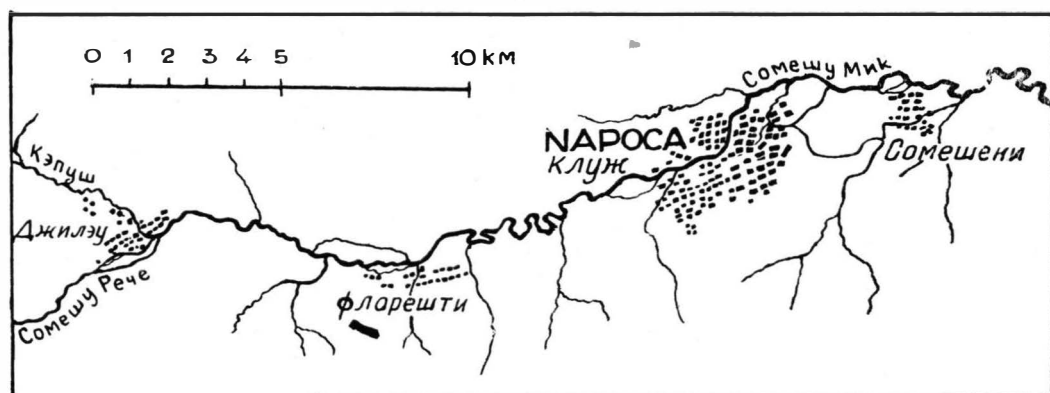


Рис. 1. — Верхний бассейн реки Сомешул Мик.

того же наименования, и железнодорожной линией Клуж — Апахида (рис. 2). По всей вероятности количество составляющих могильник курганов первоначально было значительно больше, но они были разрушены различными стройками. Возможно, что обнаруженные несколько дальше при пересечении железнодорожной линии с шоссе Клуж — Апахида три кургана принадлежали этому же могильнику. В археологической литературе до сих пор не встречается



Рис. 2. — Окрестности города Клужа и село Сомешени.

упоминаний об этом могильнике. Тот факт, что до сих пор археологи не обратили на него внимания, объясняется тем, что на поверхности почвы не обнаружено никаких следов культуры или каких-либо указаний на эпоху, к которой принадлежат курганы. Только систематическим обследованием можно было бы определить происхождение этих загадочных курганов. Они размещены беспорядочно, имеют круглую форму, диаметр 14—20 м, высоту — 0,50 — 1 м.

Осенью прошлого года было исследовано только два из них и обнаружено, что они содержат погребения с трупосожжением. Произведенные наблюдения и полученные результаты вполне определены и позволяют не только установить хронологическую, культурную и этническую принадлежность могильника, но и обсудить вызванные ими исторические

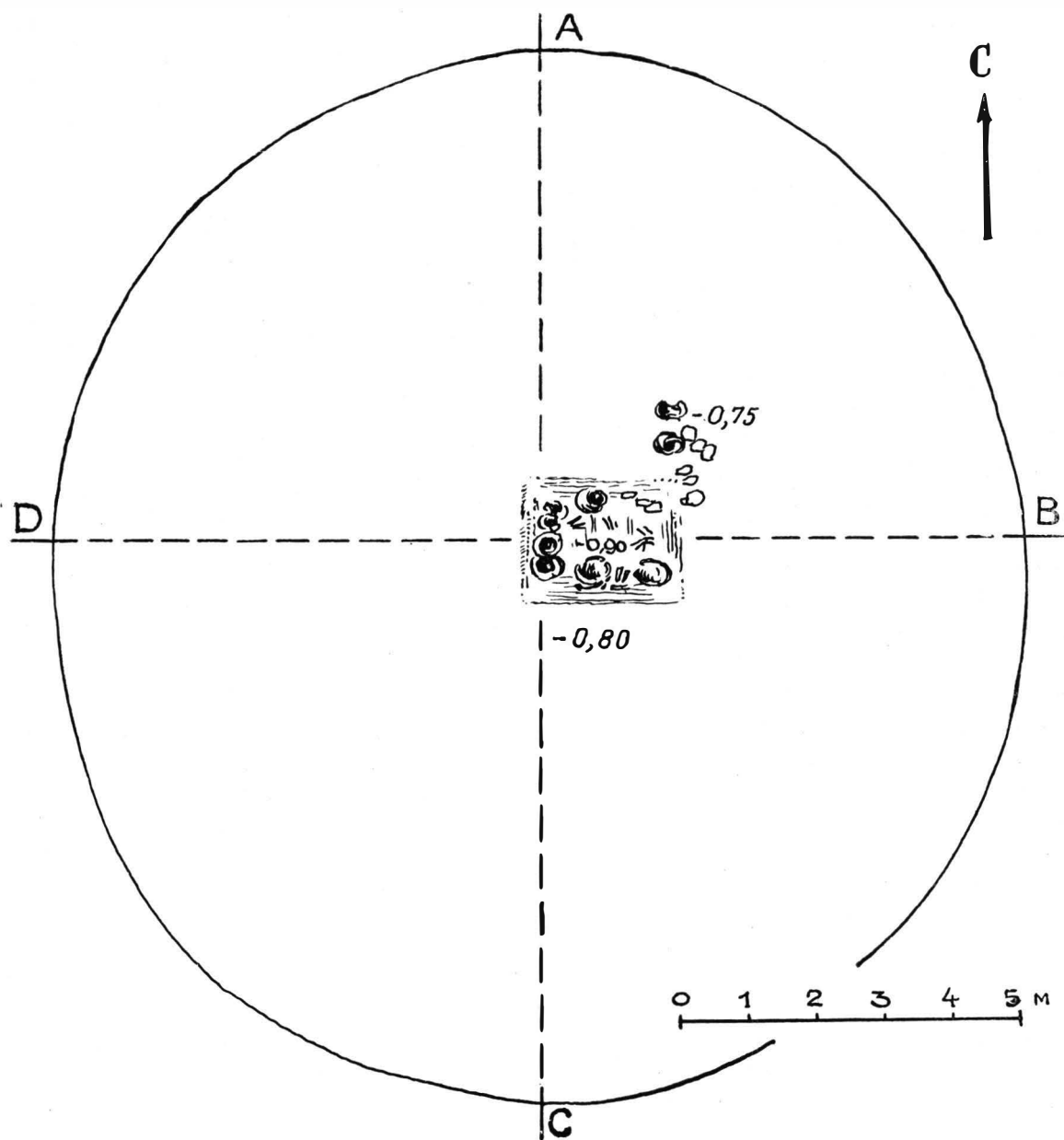


Рис. 3. — План кургана I.

вопросы. Дальнейшие исследования пополнят без сомнения имеющийся материал, но думаем, что полученные до сих пор достоверные результаты не изменятся.

Исследованный первым курган (рис. 3) расположен на краю болота, около курорта Сомешени. Лучше всех остальных выделялся он на поверхности, имея почти правильную

круглую форму; он имеет  $14 \times 15$  м в диаметре и 0,60 м высоты от грунта. Погребение этого могильника хорошо сохранилось (рис. 4). В основном он описан ниже. У насыпанного кургана, на углубленном на несколько сантиметров грунте, был поставлен деревянный помост размером  $1,85 \times 2,3$  м, ориентированный по своей длине на В.-З. Края помоста сделаны из более толстых бревен, ровно отесанных снаружи и выдолбленных внутри, чтобы образовать род плинтуса. Внутренняя поверхность помоста облицована толстыми досками, расположенными по его ширине, т.е. в направлении С.-Ю. Бревна и доски, хотя и прогнили, но легко различаются. Они не несут следов огня. На этом помосте был найден богатый погребальный инвентарь (рис. 5/1), а именно: на южной стороне — остатки двух деревянных ведер (рис. 5/2), у которых из-за почвенных солей сохранились только железные дужки и обручи (рис. 11), на западной стороне — четыре сосуда *in situ* (рис. 5/3), на северной же стороне — один сосуд в полной сохранности (рис. 6) и один раздавленный. Еще два сосуда были найдены также с северной стороны, но вне помоста и приблизительно на 15 см выше (рис. 5/4). Посередине помоста были обнаружены положенные прямо на доски две груды обожженных человеческих костей (рис. 5/1). В середине одной груды костей было найдено несколько серебряных предметов, составляющих набор кожаного пояса. Найдены следующие предметы (рис. 7, 8).

1. Массивная пряжка (рис. 7/3 и рис. 8/3) четырехугольной формы с язычком, которому, по-видимому, хотели придать форму конского копыта. Края основания волутообразные и с небольшими углублениями в середине. Пряжка была прикреплена к концу кожаного пояса посредством тонкой тоже серебряной пластинки, загнутой на задней переключине пряжки. Четырехугольной формы, изогнутая по краям пластинка прикреплялась к поясу четырьмя заклепками. На лицевой пластинке головки заклепок были прикрыты четырьмя кнопками, из которых сохранилось только две. Сзади концы двух заклепок были прикреплены двумя продолжениями лицевой пластинки, а другие два — двумя круглыми листиками, которые можно считать остатками пластинки, расположенной по ширине пояса.

2. Две подковообразные бляшки (рис. 7/1—2 и рис. 8/1—2), украшенные цветочным орнаментом, образующим волуты. Они прикреплялись к поясу тремя заклепками и служили покрытием отверстий застежек пояса.

3. Две подвесные бляшки (рис. 7/4—5 и рис. 8/4—5), каждая с крючком у одного края, к которому прикреплялось простое ушко. Они прикреплялись к поясу, по всей вероятности, с одной и с другой стороны пряжки, двумя заклепками, которые на лицевой четырехугольной пластинке были прикрыты кнопками, а с задней стороны были соединены тонкой пластинкой. К ушкам подвесных бляшек можно было привешивать саблю, рог для питья, нож и т. д.

Ни на одном из вышеуказанных предметов не заметно следов огня, что является доказательством того, что они были сняты с одежды мертвого, когда его клали на костер. Этим также объясняется то, что на пластинке пряжки сохранился кусочек ткани (рис. 9), анализ которой показал, что ткань эта льняная. По-видимому, она не являлась частью одеяния покойника, а скорее остатком полотна, в которое были собраны предметы поясного набора, возможно, вместе с обуглившимися остатками трупа.

Во всех сосудах были обнаружены обожженные кости, но не было найдено никакого погребального инвентаря. Ведра, по-видимому, содержали в себе жидкость. Около одного из ведер были найдены две большие кости животного. У края кургана, в грунте, была найдена челюсть животного, вероятно, свинная.

Хотя погребение и является погребением с трупосожжением, однако, отсутствие угля, золы и других следов огня указывает на то, что сожжение производилось в другом месте, а не там, где был воздвигнут курган.

Сверх построенного таким образом места погребения была набросана земляная насыпь, вероятно после того, что был закончен традиционный обряд. В курганной насыпи за исключением вышеупомянутых двух сосудов не было обнаружено других предметов. Лишь у самой поверхности был обнаружен круг из покрасневших от огня камней. Вероятно они были исполь-

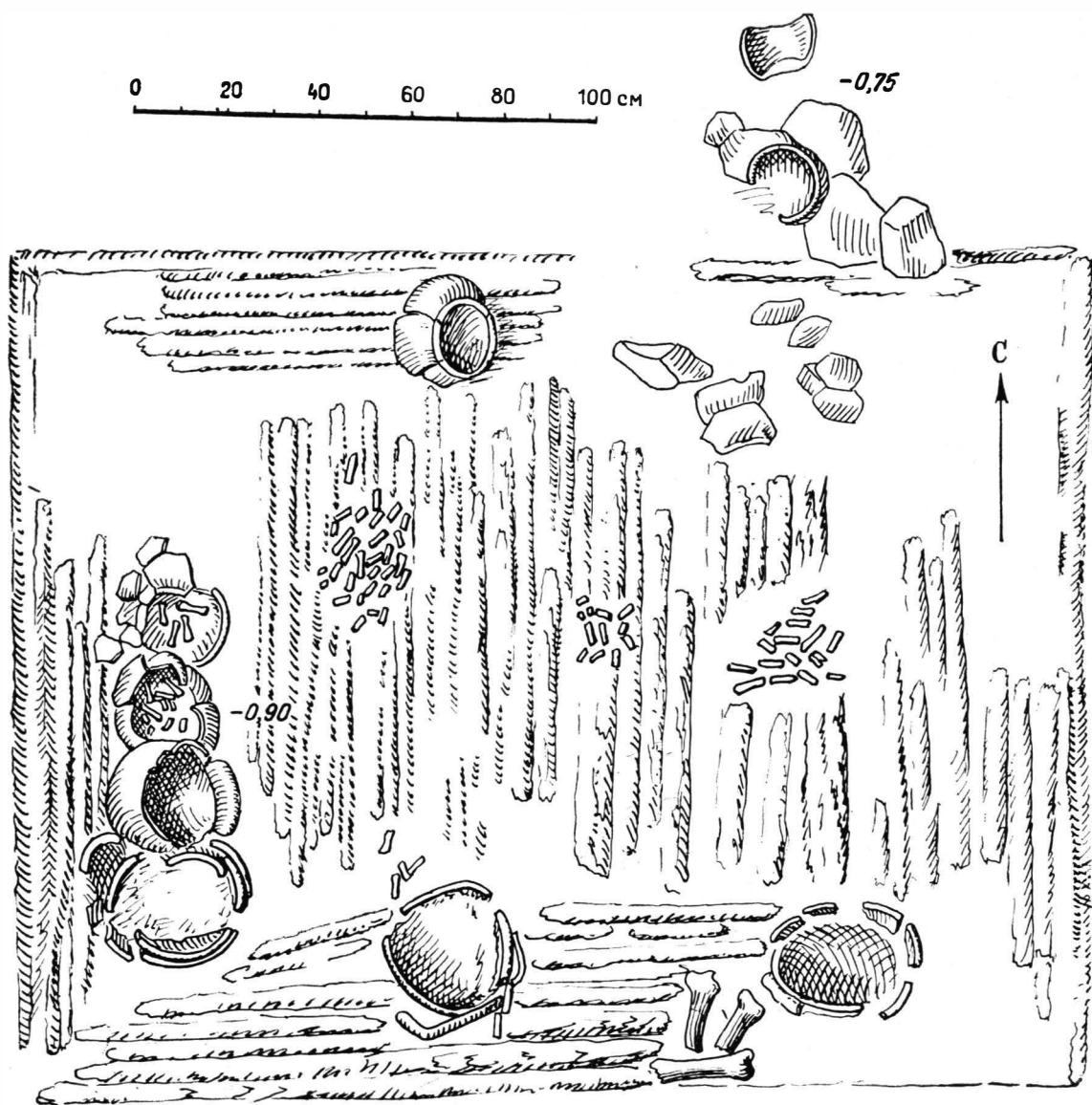


Рис. 4. — Погребение и погребальный инвентарь из кургана I.

зованы для костра, а потом брошены на курган. Некоторые из этих камней скатились вниз, упав рядом с сосудами за пределами помоста. Вокруг могильника был выкопан небольшой, не очень глубокий ров, как это видно из произведенных разрезов.

Второй исследованный курган (рис. 13) находился примерно в 300 м к востоку от первого. По-видимому, он больших размеров, чем первый; нынешний его диаметр равен 16 × 20 м, а высота — примерно 1 м. Его несколько удлинённая форма в направлении В.-З. объясняется

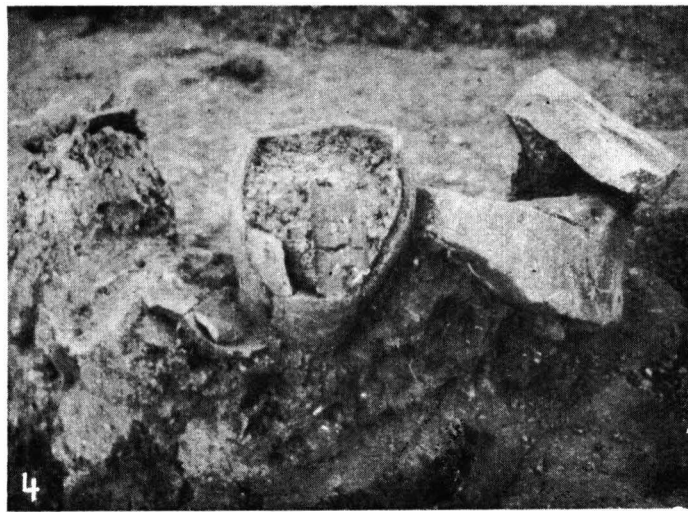
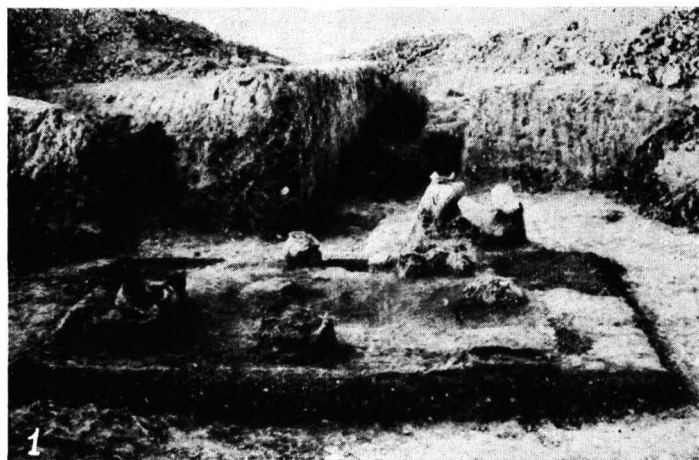


Рис. 5. — Кургan I. 1, вид погребения с погребальной обстановкой in situ; 2, остатки двух деревянных ведер in situ с южной части платформы; 3, сосуды in situ с западной стороны платформы; 4, фрагменты двух сосудов, находившихся вне платформы.

распашкой. Раскопки показали, что курган был ограблен, вероятно, в древности. Из сделанных наблюдений и по разбросанным остаткам погребального инвентаря можно утверждать, что погребение было таким же, как и в первом кургане, и что оба они одного и того же времени. Приблизительно в середине кургана на глубине 1,40 м вырисовывалась яма величиной примерно в 1,40 м × 2,40 м, глубиной в 0,60 м в наносном слое. Она является местом деревянной платформы, как это следует из найденных в яме кусков сгнившего дерева. Направление ямы также В.-З. Из ямы и вокруг нее были собраны многочисленные фрагменты погребального инвентаря: фрагменты керамики (рис. 14), принадлежащие таким же сосудам как и в кургане I, фрагменты железного набора деревянных ведер, маленькая бронзовая серьга, затем угли, зола и многочисленные человеческие кости и кости животных.

После этого краткого изложения о сделанных находках можно перейти к историческим выводам в связи с Сомешенским могильником.

Первая стоящая перед нами задача — это определение даты, а также культурной и этнической принадлежности Сомешенского могильника. Уже из наблюдений и характеристики погребальной обстановки двух исследованных до сих пор погребений явствует, что в Сомешени речь идет о археологическом комплексе, совершенно отличном от всех остальных материальных культур, известных до сих пор из эпохи переселения народов в Трансильванию. Исключая более старое открытие, о котором наши сведения слишком бедны и которое из-за этого было недостаточно изучено и неправильно истолковано, этот археологический комплекс может считаться для Трансильвании новым, что теперь впервые так ясно и точно выявлено.

Основной характеристикой Сомешенского могильника является обряд погребения в курганах с трупосожжением; этим он существенно отличается от подобных же археологических открытий эпохи переселения народов в Трансильвании. То, что этот погребальный обряд носит такой специфический и типичный характер, не оставляет сомнения в том, что в Сомешени курганы не могут принадлежать ни гепидам, ни другому германскому племени, ни аварам, ни кутуругам, ни любой другой народности, известной по оставленным ими археологическим следам в эпоху великих переселений народов в Трансильвании или в соседних территориях Венгрии или же нынешней Чехословакии. У всех этих народов существовал обряд трупоположения. Единственным народом, о котором известно из различных литературных источников и археологических находок, применявшим во второй половине первого тысячелетия на всей огромной территории от Балтийского моря и Финляндии до Днепра и Черного моря обряд



Рис. 6. — Курган I. Сосуд in situ с северной стороны платформы.

трупосожжения, были древние славяне<sup>2</sup>. У славян как западных, так и восточных, обряд трупосожжения является преобладающим, если не исключительным в течение всего периода язычества до момента их крещения. Наряду с погребениями трупосожжения в ямах или урнах известны многочисленные славянские погребения с трупосожжением в курганах как на территории СССР, так и в Чехословакии и Польше.

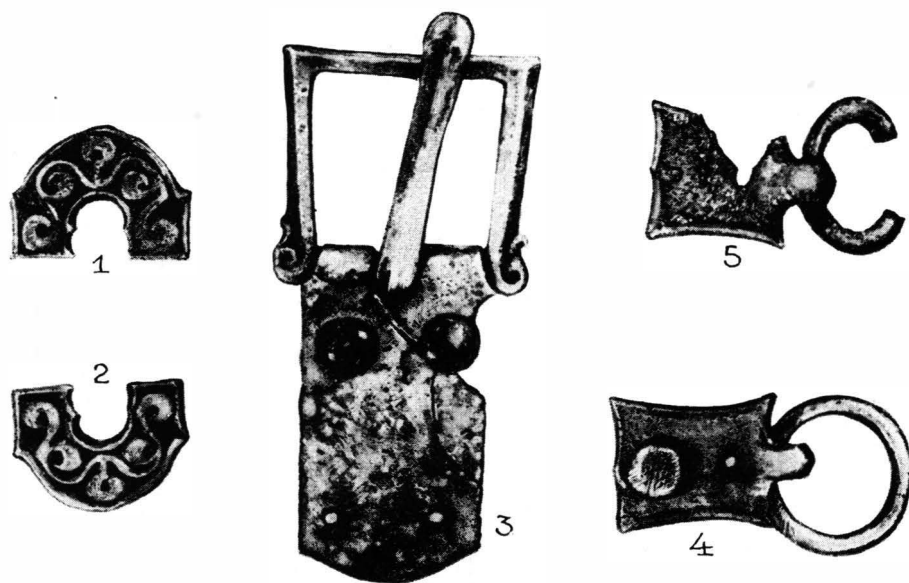


Рис. 7. — Серебряные предметы поясного набора из кургана I.

Погребальный инвентарь полностью подтверждает эту этническую принадлежность. Восемь сосудов из кургана I (рис. 12), также как и фрагменты из кургана II (рис. 13), характерны для славянской выделки. Они сработаны на ручном гончарном круге из грубой массы, включавшей кремний; внутри они красноватого цвета, а снаружи черно-коричневого. Обжиг сильный, но неравномерный. Форма горшкообразная, без ручек, с выпуклым туловищем, коротким горлышком и нешироким венчиком, слегка расширенным наружу, причем максимальный диаметр горшка обычно приходится на верхнюю половину сосуда. Дно ровное, без клейма. Все сосуды богато разукрашены волнисто-ленточным, перемежающимся с прямолинейным, резным орнаментом. Форма сосудов совершенней, чем сосудов пражского типа<sup>3</sup>, но все же архаичного характера, что особенно видно по асимметричности формы, объясняемой неловкой обработкой на примитивном гончарном круге. Такая категория керамики возникла в придунайских областях в непосредственном контакте с римской и византийской цивилизациями<sup>4</sup>. На этой территории характерные элементы славянской керамики (форма урны,

<sup>2</sup> L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave*, II, Париж, 1926, стр. 42 и след.; J. Kostrzewski, *Les origines de la civilisation polonaise*, Париж, 1949, стр. 404 и след. и D. Csálsany, АЭ, 80, 1953, стр. 136 с цитированной библиографией.

<sup>3</sup> Ср. I. Borkovsky, *Staroslovanská keramika ve střední Evropě*, Прага, 1940; J. Poulik, *Staroslovanská*

*Morava*, Прага, 1948, стр. 91—93, 108; J. Eisner, *Devínska Nová Ves*, Братислава, 1952, стр. 393 и след.

<sup>4</sup> L. Niederle, там же, II, стр. 228; K. Miatev, *La céramique slave en Bulgarie et son importance pour l'archéologie slave des Balkans*, София, 1948, стр. 74 и след.; J. Eisner, там же, стр. 394 и след.



отсутствие ручек, тщательная обработка на гончарном круге и гребенчатый орнамент из прямых и волнообразных линий) появляются еще в VI—VIII вв. в рамках дославянской керамики<sup>6</sup>. Начиная с IX в. они распространяются по всей населенной славянами территории от Черного до Балтийского моря. Эта новая славянская керамика более известна под названием *Burgwallkeramik*. Сосуды из Сомешени по своему характеру принадлежат древней

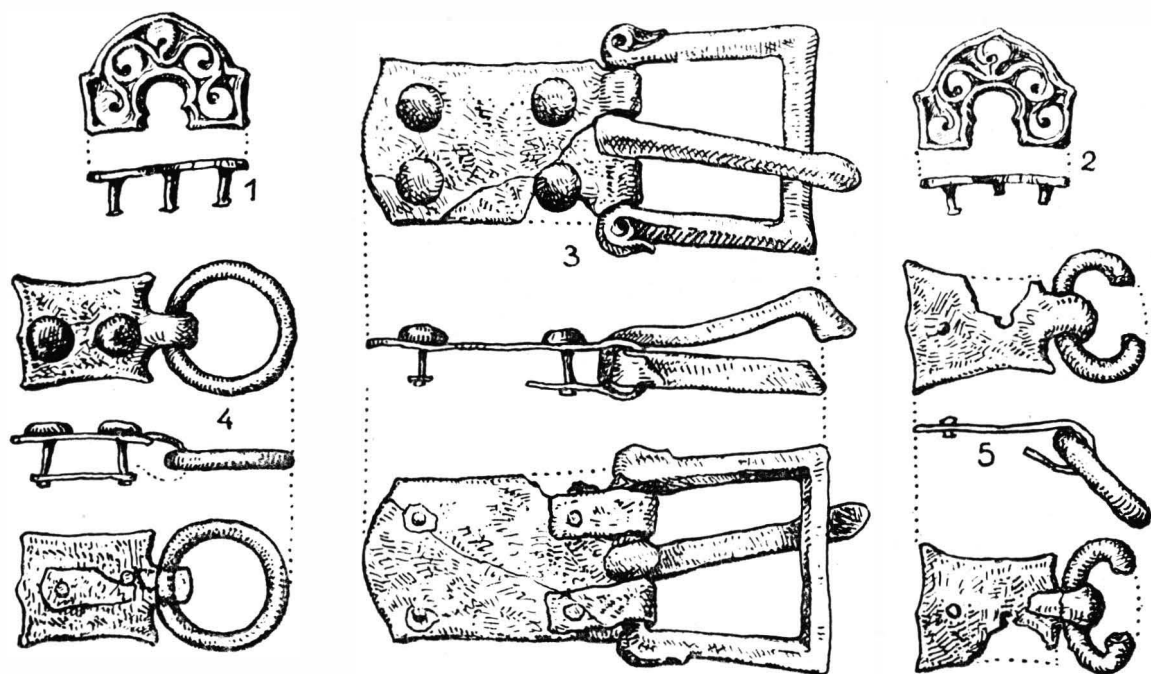


Рис. 8. — Серебряные предметы поясного набора из кургана I.

славянской керамике в ее последней фазе развития. Выделка их только на ручном гончарном круге или на медленном гончарном круге, лепная и не лепная, но и не на быстром гончарном круге, говорит за то, что их можно датировать второй половиной VIII в. То же можно сказать и относительно массы, из которой они сделаны, желтоватой или красной, но не серой. Нам трудно их датировать периодом после 800 года или более поздним из-за отсутствия на доньшке клейма, появившегося в Болгарии лишь в начале IX в., а у западных славян лишь в X в.<sup>6</sup>

Типология металлических предметов также указывает на то, что Сомешенский могильник следует датировать периодом около 800 года. Все предметы поясного набора имеют свои близкие аналоги в инвентаре поздних аварских полей погребения в венгерской степи, в Úllő, Kis-Kőrös, Szentes-Kaján и Pusztamérgeš (кладбище B), около Сегедина, датированных второй половиной VIII в. и отчасти в аваро-славянском могильнике в Devínska Nová Ves около Братиславы в Словакии, которое тоже отнесено к периоду не позже 800 года<sup>7</sup>. Но в отличие

<sup>6</sup> K. Miatev, там же, стр. 75—77; J. Eisner, там же, стр. 394 и след.

<sup>6</sup> K. Horedt, *Ceramica slavă din Transilvania*, SCIV, II, 1951, стр. 194, 210 с цитированной библиографией.

<sup>7</sup> Четырехугольные пряжки известны из погребений в Szentes-Kaján (J. Korek, *Das awarische Gräberfeld zu Szentes-Kaján, DolgSzeged*, XIX, 1943, стр. 1—129, табл. VII/13 и табл. VIII/8, 19) в Kis-kőrös (T. Horváth, *Die awarischen Gräberfelder von*

от подобных же предметов, найденных в аварских могилах и сделанных в большинстве случаев из бронзы, все найденные в Сомешени предметы сделаны из серебра, металла, предполагаемого славянами для украшений. Форма некоторых предметов поясного набора также несколько отличается от найденных в аварских могилах тем, что она более развита<sup>8</sup>.

Деревянные ведра с железными дужками и обручами появляются иногда и в аварских могилах<sup>9</sup>, но они почти никогда не отсутствуют в могилах славян как западных, так и восточных<sup>10</sup>.

Однако мы замечаем отсутствие массивных литых поясных наборов, украшенных фигурами животных (грифоны), или цветов (стебли) столь частых и характерных для аварских могильников VIII в.<sup>11</sup>, а также отсутствие деталей сбруи, свойственных народам-всадникам, оружия и фибул.

В Сомешенских погребениях существуют еще и другие специфически славянские элементы, о которых нужно упомянуть хотя бы вкратце, так как они имеют довольно большое

значение для славянской античности вообще и в то же время могут дать некоторые указания о происхождении славян, захороненных в могильнике.

В первую очередь, это — деревянная платформа, построенная в виде стола на месте, где был воздвигнут курган, но отдельно от места сожжения, т. е. от костра. На этот специально

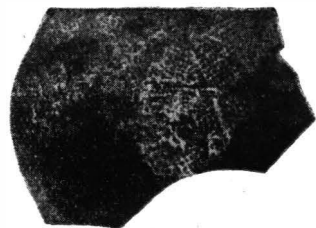


Рис. 9. — Пластика поясной пряжки до чистки.

Üllő и Kiskörös, ArchHung, XIX, 1935, табл. XXIX/10) и в Pusztamérgeš (J. Korek, *Zwei awarische Gräberfelder aus der Umgebung von Szeged*, «Folia Arch.», V, 1945, стр. 102—122, табл. III/5). На другом экземпляре из Üllő (T. Horváth, там же, табл. XVI/1) сохранились также и 4 кнопки на фиксирующей пластинке так же, как на пряжке из Сомешени. Ни один из упомянутых экземпляров не имеет у основания пряжки волпот. Можно упомянуть о подковообразных бляшках из могильников в Üllő (T. Horváth, там же, табл. VIII/9—10), в Szentes-Kaján (J. Korek, там же, табл. XII/11, 12, 14—15) и в Devínska Nová Ves (J. Eisner, там же, табл. 92/8). На указанных экземплярах сохранилось еще заострение с полукруглой стороны, как и на сердцеобразных бляшках, от которых они происходят, в то время как на сомешенских экземплярах этот заостренный конец полностью отсутствует. Подвесные бляшки со звеном и ушком, совершенно тождественные сомешенским, найдены и в могильниках в Szentes-Kaján (J. Korek, там же, табл. IX/1—7, 9—12), в Üllő (T. Horváth, там же, табл. XVI/2—5) и в Pusztamérgeš (J. Korek, там же, табл. VIII/9—11). Круглые бронзовые серьги, без бус, найдены в могильниках в Üllő (T. Horváth, там же, VI/18), Kiskörös (там же, табл. XXVI/18), в Szeged-Kaján (J. Korek, там же, табл. I/34, 36, табл. XVII/7) и в Devínska Nová Ves (J. Eisner, там же, табл. 72/10). Они часто встречаются в женских погребениях и редко в мужских.

<sup>8</sup> См. предыдущее примечание о пряжках и подковообразных бляшках.

<sup>9</sup> J. Korek, «Folia Arch.», V, 1945, стр. 121 и рис. 2.

<sup>10</sup> L. Niederle, там же, II, стр. 231, рис. 90; J. Kostrzewski, там же, стр. 160 и след; стр. 251 и след. и рис. 68; W. Hensel, *Ślowianskczynna Weżesnosrednowieczna, Zanyskultury y materialnej*, Познань, 1952, стр. 120, рис. 93/1,3. Многочисленны были находки ведер и в Devínska Nová Ves (J. Eisner, там же, табл. 79—80 и *passim*), где было обнаружено даже по два экземпляра в одном погребении (там же, стр. 390 и след.).

<sup>11</sup> Среди сделанных в Венгрии находок, относящихся ко второй половине первого тысячелетия и до прихода венгров, различаются две археологические группы: одна — называемая культурой Keszthely, характеризующаяся бронзовыми литыми украшениями, другая, обнаруженная прежде всего к востоку от паннонского Дуная, характеризуется поясным набором и украшениями сбруи, сделанными из тонких пластинок с тисненным орнаментом. Вначале эти обе группы считались одновременными, но различными с этнической точки зрения. Первая причислялась к аварам, а вторая — к болгарским кутурам. Позднейшие венгерские исследователи, особенно Н. Феттих и Д. Чалани, считают эти две группы различными хронологически, а не этнически; вторая группа тисненных предметов относится к VI—VII вв., а первая группа литых предметов, начиная с 670 г. главенствует в аварской

приготовленный помост клались останки после сожжения и весь погребальный инвентарь, включительно принесенные дары. Наблюдения, сделанные при раскопках погребения, позволили установить, что весь погребальный инвентарь был положен на деревянный помост одновременно, а не последовательно через какой-то промежуток времени путем позднейшего вскрытия погребения. Итак, речь идет об одном погребении. Позднейшему погребению могли бы, однако, принадлежать два сосуда, обнаруженные вне помоста (рис. 5/4). Это объяснило бы, почему сосуд, находившийся на помосте против вышеупомянутых двух сосудов, был разбит и не мог быть восстановлен, а также и почему именно эта часть помоста была повреждена. В то же время, в насыпи кургана не было обнаружено никаких следов проникновения, так что можно допустить, что и сосуды, найденные за пределами помоста, принадлежат тому же погребению и что они были положены там, где были обнаружены при открытии кургана. Как уже было сказано, обожженные человеческие кости были обнаружены как непосредственно на платформе, так и в каждом из глиняных сосудов. В деревянных ведрах обугленных костей не было, а около одного лежали кости крупного животного, что подтверждает высказанное Ж. Ейснером<sup>12</sup> мнение, что эти кости происходят из принесенного усопшему мяса и что в ведрах было, вероятно, пиво или мед, очень распространенные у славян напитки, которые употреблялись и при погребении.

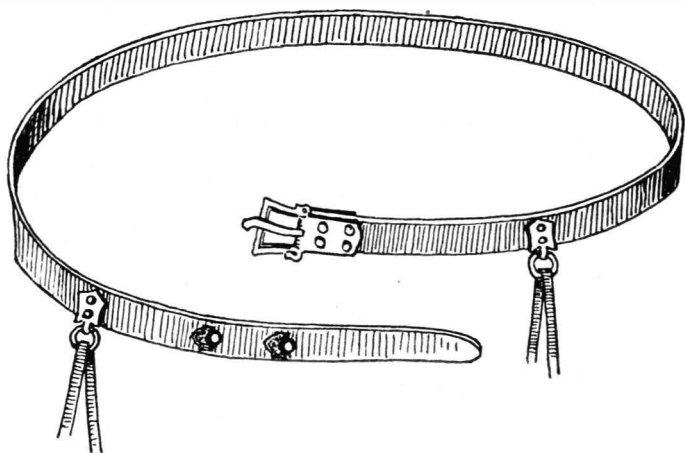


Рис. 10. — Восстановленный пояс из кургана I в Сомешени.

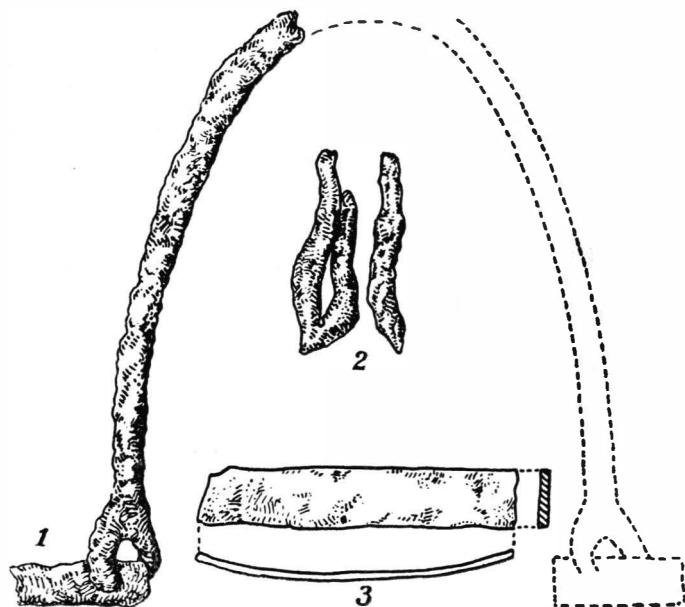


Рис. 11. — Фрагменты дужек и железных обручей деревянных ведер из кургана I.

культуре в VIII в., N. Fettich, *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*, ArchHung, XXI, 1937, стр. 94—99; он же, *Trouvailles avares de Dunapentele*, ArchHung, XVIII, 1936, стр. 9 и след., 43 и след.; он же, *Győr a népvándorlaskorban*, Гиёр, 1943, стр. 45; D. Csálány, «Folia Arch.», I—II, 1939, стр. 174

и след.; он же, АЕ, VII—IX, 1946—1948, стр. 360; он же, ActaArch, II, 1952, стр. 248 и след. По J. Eisner, там же, стр. 404 группа литых предметов появилась одновременно с тисненными, но достигнув полного развития в VIII в. вытеснила их.

<sup>12</sup> J. Eisner, там же, стр. 391.

Анализ найденных на помосте и в 8 сосудах обожженных костей показали, что вместе с человеческими костями находятся и кости животных<sup>13</sup>. Человеческие кости принадлежат не

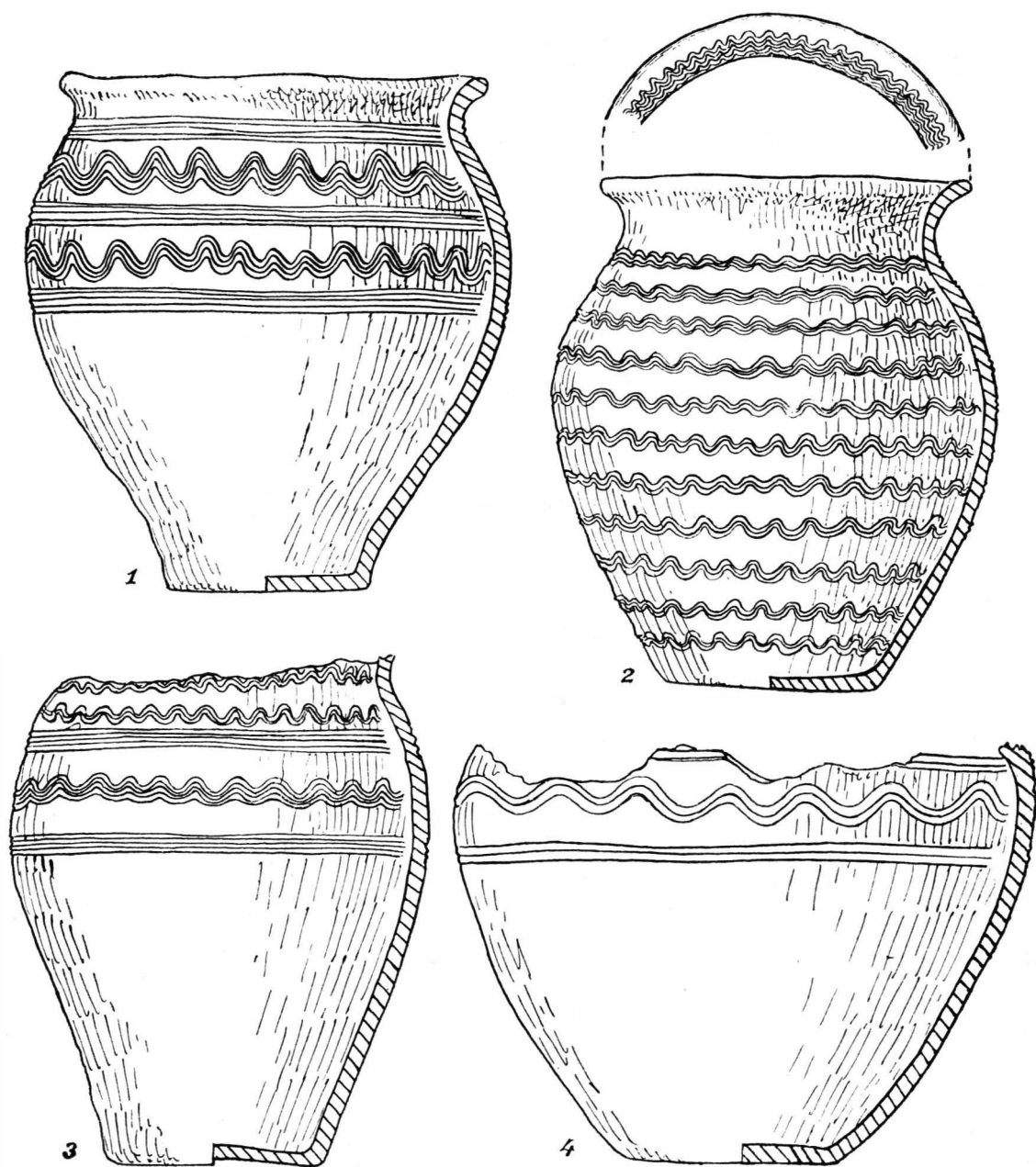


Рис. 12. — Сосуды из кургана I.

одному и тому же лицу, а двум или нескольким лицам, из которых одно мужчина, а другое женщина, вероятно, молодая. Это же смешение человеческих костей и костей животных,

<sup>13</sup> Антропологический анализ был сделан проф. д-ром И. Г. Руссу из Анатомического института при Клужском университете.

больших и малых, было обнаружено и в кургане II, где человеческие кости принадлежат минимум двум лицам — крупному мужчине и женщине грациализированного сложения.

Из вышеизложенных констатирований и наблюдений можно сделать вывод о славянском погребальном обряде. Главное погребение, если допустить, что было и другое, судя по богатому погребальному инвентарю, а особенно по серебряным предметам поясного набора, было погребение какого-то вождя.

Одновременно с вождем были сожжены на костре и другие люди, среди которых без сомнения и женщина. Таким образом получается археологическое подтверждение древнего ритуального обряда, вероятно индо-европейского происхождения, хорошо известного у славян-язычников, привлечшего внимание многих авторов с VI в. до X в. Речь идет о сожжении на костре вместе с мужчиной и его жены или его любимой рабыни и некоторых слуг. Этот обычай «добровольного жертвоприношения» у южных и восточных славян засвидетельствован Мавриkiem (Страт. XI, 5), Леоном (Такт. XVIII, 105), Леоном Диаконом (IX, 6), а также многими арабскими авторами<sup>14</sup>, а у западных славян Титмаром, епископом Мерсебурга (IX, 3), и Св. Бонифацием<sup>15</sup>. Леон Диакон отмечает этот обычай у славян Святослава, князя киевского, в связи с осадой Дуростора в 971 году. На костры, где сжигали мертвецов, бросались и пленники, мужчины и женщины; приносились в жертву

грудные дети и топились в водах Истра петухи. Из повествований арабских авторов самым значительным является рассказ Ибн Фадлана в 922 году, лично присутствовавшего на похоронах одного из русских вождов на Волге. Со многими подробностями он описывает весь обряд похорон и волнующее жертвоприношение сожженной на костре хозяйина молодой девушки. Арабский путешественник упоминает и о животных жертвоприношениях: ослов, коров, собак, петухов, кур, сожженных на костре вместе с дарами — вином, плодами и пряностями<sup>16</sup>.

<sup>14</sup> L. Niederle, *Manuel d'ant. slave*, II, стр. 47, с многими подробностями в *Život starých Slovanii*, I, 1, Прага, 1911, стр. 248 и след.

<sup>15</sup> В письме к королю Этибальду Ph. Jaffé, *Mon. Mog.*, стр. 172.

<sup>16</sup> Описание путешествия Ибн Фадлана к болгарам на Волгу в 921—922 гг. до настоящего времени было известно только по выдержкам, опубликованным в географическом лексиконе Якута s. v. Rus. Новый текст Ибн Фадлана был обнаружен

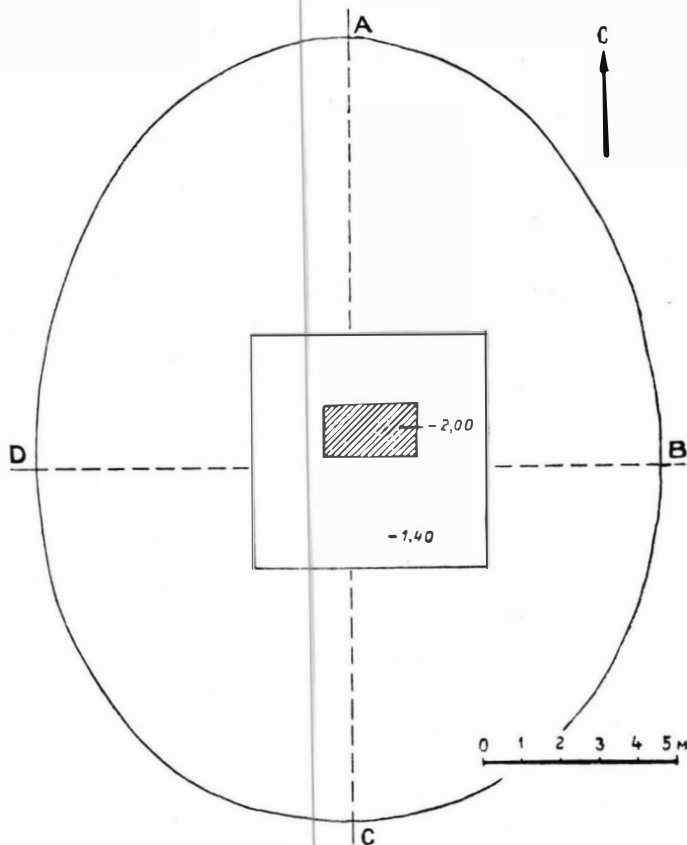


Рис. 13. — План кургана II.

Описанные автором человеческие и животные жертвоприношения археологически подтверждаются находками и в других ранее исследованных могильниках восточных славян<sup>17</sup>, как например, в могильнике в Чернигове около Киева<sup>18</sup>. Тем же сложным и волнующим погребальным обрядом, описанным Ибн Фадланом и другими авторами, сопровождалось и погребения вождей славянского племени, осевшего в долине реки Сомешул Мик, около болота курорта Сомешени. Кроме принесенных в жертву на костре хозяина людей, приносились в жертву и животные. В кургане II был обнаружен позвонок лошади.

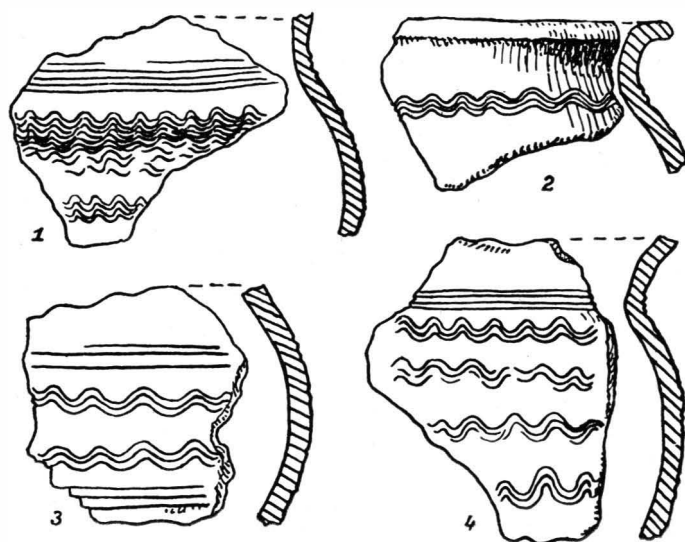


Рис. 14. — Керамика из кургана II.

жжения, погребальные приношения и части поясного набора, возможно, вместе с поясом и с одеждой покойного, словом все то, что по тогдашним верованиям могло ему понадобится в загробной жизни<sup>20</sup>.

Как это следует из археологических наблюдений, у восточных славян могильные насыпи обычно возводились непосредственно на месте костра и земля покрывала все остатки сожжения. Могильники западных славян<sup>19</sup> меньше по своим размерам и их погребальный инвентарь беднее.

Сомешенские погребения строились иным образом: сожжение производилось не на том месте, где насыпался курган, а в другом, в каком-нибудь *ustrinum* или в непосредственной близости кургана. Здесь и происходил весь описанный выше похоронный обряд. К этому времени уже готовилась могила, т. е. деревянная платформа, на которую укладывали остатки сож-

в 1923 г. в Месхед и одновременно опубликован обнаружившим его Н. Zeki Validi Togan под заглавием *Ibn Fadlans Reiseberichte* в «*Archiv für die Kunde des Morgenlandes*», XXXIV, 3, 1939, и Ковалевским под заглавием *Путешествие Ибн Фадлана на Волгу*, Москва-Ленинград, 1939. Не располагая ни одним из этих изданий, мне пришлось воспользоваться переводом, который приводит L. Niederle в *Život starých Slovanů* I, 1, стр. 377—379.

<sup>17</sup> L. Niederle, *Manuel d'ant. slave*, II, стр. 48 и *Živ. star. Slov.*, I, стр. 257—261.

<sup>18</sup> Б. А. Рыбаков, *Древности Чернигова* в МИА, 11, 1949, стр. 14 и след.; он же *Стольный город Чернигов и удельный город Вышый*, том *По следам древних культур — Древняя Русь*, Москва-Ленинград, 1953, стр. 82 и след; относительно могильника в Гнездово близ Смоленска см. Д.А. Авдусин, KS,

XXXVIII, 1951, стр. 72 и след.; XLIV, 1952, стр. 93 и след.

<sup>19</sup> Вопреки сведениям Титмара о существовании обобщенного обычая сожжения, число могильников и погребений с трупосожжением, археологически документированных в Польше до настоящего времени, очень невелико. См: J. Kostrzewski, там же, стр. 404 и след. На Чехословацкой же территории количество могильников и погребений с трупосожжением гораздо больше, как это видно из кратких докладов о раскопках, появившихся в AR, начиная с 1949 года.

<sup>20</sup> Относительно верований древних славян в загробную жизнь см. L. Niederle, *Manuel d'ant. slave*, II, стр. 42 и след. J. Kostrzewski, там же, стр. 402 и след.

Поскольку можно проследить археологически подобная погребальная постройка не была обнаружена ни в одном из славянских погребений. Несмотря на это, значение деревянной платформы и погребального инвентаря, заботливо установленного на этой платформе, является ясным. Восстанавливая черниговские погребения, датируемые X в., особенно находящиеся в Черной Могиле, в кургане в Березках и в Гуцино, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что здесь можно легко проследить идею или веру в загробное жилище (домовину), как это видно и из описанного Ибн Фадланом погребения на Волге. В случаях погребений с трупосожжением в Черной Могиле и в Гуцино на месте сожжения был воздвигнут настоящий деревянный дом, разрушенный огнем, но который, перекрытый земляным слоем огромных курганов, продолжал служить жилищем в загробной жизни тех, кто там погребен<sup>21</sup>. Полагаем, что славянские погребения в Сомешени более ясно и более убедительно отражают ту же идею в загробное жилище. В данном случае загробное жилище было построено отдельно от костра и представляло собой стол, на котором были сложены остатки сожжения, как главного покойника, так и живых существ, принесенных в жертву одновременно с ним вместе с необходимыми ему дарами. Таким образом, деревянная платформа символизирует не только загробное жилище, но и стол погребальной тризны<sup>22</sup>, в которой участвует покойник, окруженный сопровождающими его в загробный мир существами. Общая для индоевропейских народов идея погребальной тризны очень древнего происхождения. Как это видно из образных изображений на надгробных памятниках, она сохранилась до исторической эпохи.

Рассматривая Сомешенские погребения, наличие каждого предмета на деревянной платформе можно объяснить потребностями захороненного в его загробной жизни. Поставленные в определенном порядке глиняные сосуды в сущности не являются погребальными урнами в обычном смысле слова; они содержат обуглившиеся остатки лиц, сопровождавших хозяина, а также и его животных. В связи с этим отмечаем, что некоторые сосуды были поставлены в могилу целыми, а у других надбиты края или отсутствует полностью вся верхняя часть. Эта же деталь была замечена и в могилах из Devínska Nová Ves. Ж. Ейснер<sup>23</sup> объясняет это тем, что это именно те сосуды, которыми покойный пользовался при жизни и что они были положены вместе с ним для того, чтобы служить ему и в будущей жизни.

Следовательно, Сомешенские погребения отражают самые характерные для славян традиции и обряды, известные по свидетельствам современных писателей и касающиеся главным образом восточных и южных славян.

На основании сделанных в связи с Сомешенскими могильниками констатированиями и наблюдениями и после осмотра предметов инвентаря можно сделать некоторые выводы и относительно образа жизни местных славян. Прежде всего, само местонахождение могильников близ болота и недалеко от реки Сомешул Мик соответствует старому предпочтению славян селиться или на полянах в глубине леса, или на берегу реки, озера или болота; это было отмечено еще императором Маврицием (Такт. IX, 5). Пока в Сомешени известны лишь могильники, но нужно предполагать и наличие укрепленного или открытого поселения. Местные славяне были оседлыми и занимались хлебопашеством и скотоводством. Среди возделываемых растений был и лен, известный в Европе еще с неолита и археологически определенный у славян еще до конца первого тысячелетия н. э.<sup>24</sup> Виды разводимых животных можно установить по

<sup>21</sup> Б. А. Рыбаков, там же, стр. 24 и след. и рисунки 5, 7, 8.

<sup>22</sup> Истолковано по совету акад. К. Дайковичу.

<sup>23</sup> J. Eisner, там же, стр. 390.

<sup>24</sup> В Польше лен археологически документирован в самом древнем слое в Гниезново, так же

как и в польских крепостях Познани, Сантоке, Ополке и Попшиче, J. Kostrzewski, там же, стр. 40. У русских лен был археологически определен в поселениях, исследованных Б. А. Рыбаковым в областях Родимычей, см. Б. Д. Греков *Крестьяне на Руси*, Москва-Ленинград, 1946, стр. 32 (перев. на рум.)

костям животных, в большинстве случаев обгоревшим и очень измельченным. Среди них была и лошадь, также археологически документированная у славян. В Сомешени славяне занимались плотничеством и гончарными, деревообделочными, кузнечными ремеслами и ювелирным мастерством.

Сомешенские погребения принадлежат не рядовому населению, а, по всей вероятности, местным вождям, возможно князьям, которые управляли тогдашним населением вдоль верхнего течения Сомеша.

Обнаруженный археологический материал, и главным образом наблюдения, связанные с погребальным обрядом, дают некоторые указания о происхождении славянской группы в Сомешени. Видно, что характерные для похоронного обряда элементы и связанные с ним погребальные традиции чаще встречаются у восточных славян, поэтому гораздо более вероятно, что сомешенская группа проникла в Трансильванию с востока, а не с запада, как можно было бы думать.

Что же касается даты их первоначального появления в Сомешени, то ее трудно уточнить. Согласно устным источникам известно, что в большом количестве славяне проникли на территорию бывшей Дакии еще в начале VI в. Сначала одни, а потом вместе с аварами они непрерывно нападали на границы византийской империи вдоль Дуная до тех пор, пока в начале VII в. при императоре Фоке византийская оборона Дуная была полностью уничтожена; плотина была прорвана и славяне массами распространились по территории к югу от Дуная. Но часть из них все же оставалась к северу от Дуная, находясь, по-видимому, еще под аварским владычеством, во всяком случае до половины VII в., когда политическая власть аваров стала ослабевать из-за крупного восстания славян 623—626 гг., а также по причине понесенного поражения под стенами Константинополя в 626 г.<sup>25</sup> Присутствие славян к северу от Дуная до сих пор документировано археологически достоверно только могильником в Сэрате-Монтеору, где находятся несколько сот погребений трупосожжения, датируемых VII в.<sup>26</sup> Хотя оба могильника в Сэрате-Монтеору и в Сомешени отделены более чем целым веком и во многих отношениях отличаются друг от друга, все же они имеют много общих элементов. Во-первых, обряд сожжения в Сэрате-Монтеору представлен грунтовыми погребениями в ямах или урнах и бедным погребальным инвентарем, а в Сомешени — курганами с богатым погребальным инвентарем. Во-вторых, керамика представляет много общих черт, характерных для славянской керамики, даже если в Сэрате-Монтеору она более примитивна и большей частью лепная, а в Сомешени более усовершенствована и изготовлена исключительно на гончарном круге.

Среди датируемых VII в. археологических находок в Трансильвании различаются две группы культур; одна, представленная могильниками в Банде<sup>27</sup> и в Верешиморте<sup>28</sup>, датируется первой половиной этого века и приписывается германским племенам, возможно гепидам; другая, представленная могильниками в Кымпии-Турзий, Аюде, Гымбаше, Теюше, расположенными примерно в той же зоне по среднему течению р. Муреша, датируется второй половиной того же века, возможно началом следующего века<sup>29</sup>. Хотя аварское происхож-

<sup>25</sup> О главенствовании авар над славянами, а также об их падении см. B. Grafenauer, *Die Beziehungen der Slawen zu den Awaren und ihre wirtschaftlich-sozialen Grundlagen bis zur Belagerung von Konstantinopel (626)*, « Riassunti delle comunicazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche », том VII, Флоренция, 1955, стр. 174—178. Но нужно заметить, что аварское господство в Трансильвании продолжалось и после 626 года.

<sup>26</sup> I. Nestor и E. Zaharia, SCIV, VI, 1955, стр. 510 и след.

<sup>27</sup> I. Kovács, *DolgCluj*, IV, 1913, стр. 279 и след.

<sup>28</sup> M. Roska, «Germania», XVIII, 1934, стр. 123 и след.

<sup>29</sup> K. Horedt, *Avarii in Transilvania*, SCIV, VII, 1956, стр. 303 и след.



дение этой последней группы является бесспорным, приписанное ему исключительно аварское этническое происхождение гораздо менее вероятно. Можно предположить, что образованию этой культурной группы способствовали славяне и местное население, так как допускается, что вообще в образовании аварской культуры участвовали в известной мере и проживающие с ними подчиненные им славяне.

Сомешенские погребения с первого же взгляда существенно отличаются от погребений и могильников предыдущего периода. Они являются исключительно новым и совсем различным археологическим видом. Но между могильниками в Сэрате-Монтеору и Сомешенским могильником в Трансильвании вклиниваются два вышеупомянутые археологических комплекса. Возникает вопрос, являются ли обе группы славян, достоверно документированных на территории бывшей Дакии, но столь отдаленных хронологически и территориально одна от другой, изолированными явлениями, не связанными между собой, или вопреки хронологическому и географическому отдалению они отмечают единственные документированные до сих пор два момента из истории прочно обосновавшихся к северу от Дуная славян, которые сыграли активную, подчас решающую роль в процессе смешения пришедшего населения с местным. При настоящем положении наших исследований и сведений на этот вопрос нельзя ответить определенно. Можно только выдвигать гипотезы. После поселения славян на территории к северу от Дуная, а аваров в паннонской степи, литературные источники не упоминают ни о какой другой народности, появившейся в дальнейшем в этих местах. Вообще устные источники ничего не сообщают о событиях, имевших место на этой территории до окончательного падения аварского владычества в VIII в. под ударами франков Карла Великого и болгар с юга от Дуная. Ни о каком другом распространении или нашествии славян на территорию к северу от Дуная, и особенно в Трансильванию, также не упоминается. Кроме указаний, которые может дать топонимия, сведения для освещения этого периода могут быть получены только путем археологических открытий, исследование которых находится еще в зачатке.

Однако кое-какие исторические реальности уже намечаются. Находки аварского типа в Трансильвании делятся на две фазы. Одна характеризуется штампованными предметами, распространенными по всему Трансильванскому плоскогорью, обнаруженными изолированными находками и датируемыми первой половиной VII в. Другая фаза характеризуется бронзовыми литыми предметами, датируемыми второй половиной того же столетия, возможно, началом следующего. Эта вторая группа представлена несколькими большими могильниками, географически занимающими довольно ограниченную территорию между Теюшем и Кымпия Турэий<sup>30</sup>. К. Горедт думает, что конец первой фазы аварского владычества в Трансильвании наступил под давлением славян в середине VII в., проникновение которых на эту территорию якобы усилилось к 650 г.<sup>31</sup>. О таком позднем проникновении славян в Трансильванию у нас сведений не имеется. Не исключена возможность присутствия славян в Трансильвании и гораздо раньше. Это было бы в полном соответствии с историческими сведениями о том, что они участвовали в системе политического господства аваров в период их усиления. В половине VII в., одновременно с общеславянским восстанием против аварского ига, могло произойти и восстание местных славян. В связи с этими волнениями прекращаются германские могильники, соответственно гепидские, в Банде и в Верешморте. У нас не имеется никаких доказательств об «установлении славянского владычества на несколько веков» в Трансильвании. Наоборот, археологические находки второй половины VII в. документируют новую фазу аварского владычества в Трансильвании, которое продолжается по меньшей мере до начала VIII в. Это означает, что славяне в Трансильвании и дальше в известной степени оставались

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> SCIV, VII, 1956, стр. 399 и след. 404.

под аварским владычеством или под культурным и политическим влиянием. Только так можно объяснить местную выделку керамики аварской эпохи в Трансильвании более старой традиции, которая со временем превратилась в подлинно славянскую керамику.

Некоторые указания в смысле вышеизложенного исторического развития дают погребения в Сомешени. Мы видели, что металлические предметы, типологически очень схожи с такими же, обнаруженными в аварских могильниках, что позволяет предполагать длительное пребывание этой группы славян в зоне влияния аварской культуры. Каков в сущности был характер аварского владычества в Трансильвании и как в действительности он проявлялся, мало известно. Открытые до настоящего времени археологические находки указывают на господство и наблюдение аваров только за главнейшими пунктами в Трансильвании, а также за путями, связывающими ее с аварскими территориями на западе. Во всяком случае, учитывая незначительность находок аварского происхождения, в большинстве случаев сосредоточенных лишь вдоль среднего течения реки Муреш, можно полагать, что большая часть Трансильвании была населена гораздо более многочисленной народностью другого происхождения, чем авары. Не исключена возможность, что в системе аварской конфедерации в большей части Трансильвании политическое управление осуществлялось не самими аварами, а посредством славянских племен<sup>32</sup>. По-видимому, именно таковым и было положение славян в Сомешени. Серебряные предметы из кургана I свидетельствуют о погребенном там славянском князе с характерным для кочевых кочевников поясом и, вероятно, в соответствующей одежде (рис. 10).

Впрочем, уже сейчас славянская группа в Сомешени не является единичной в Трансильвании. Ознакомившись с погребениями в Сомешени и точно определив их культурную и этническую принадлежность, можно с достаточной уверенностью исторически уточнить другое, более раннее открытие, о котором уже упоминалось выше. Речь идет о курганных погребениях в Нушфалзу (Szilágynagyfalu), район Шимлзу, обл. Орадя, где раскопки велись еще в 1878—1880 гг., но не достаточно систематично. Из единственного имеющегося краткого изложения Ж. Гампеля<sup>33</sup> видно, что к югу от села в долине Беретзу существует 16 курганных погребений с трупосожжением. В одном из них, раскопанном самим Гампелем, была обнаружена деревянная четырехугольная постройка (3,05 × 3,68 м), в которой были найдены фрагменты 20—22 сосудов, украшенных волнистыми линиями. В раскопанных курганах также были найдены железная дужка от деревянного ведра и несколько литых бронзовых деталей, из которых на одной было изображение животного. На основании металлических деталей поясного набора погребения были точно датированы VIII в., хотя и неправильно приписывались аварам; например Б. Рихтхофен<sup>34</sup>, а еще позже Д. Чалани<sup>35</sup> считают, что они принадлежат аварам, но отражают погребальный обряд окружающей славянской среды. Очевидно, что эти курганные погребения однотипны с сомешенскими и, следовательно, не могут считаться аварскими, а бесспорно должны быть приписаны славянам. Однако они находились ближе к аварской территории и культурное влияние аваров было здесь более непосредственным, хотя также как и в Сомешени оно выражалось исключительно в металлических предметах. Металлические предметы, вопреки очень распространенному в археологических трудах мнению, не всегда являются решающими в определении этнической принадлежности находок.

<sup>32</sup> О социальной и политической структуре аварского господства и их отношениях со славянами, кроме упомянутой выше работы (прим. 24), Б. Графенауера, см. G. László, *Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars*, ArchHung,

XXXIV, 1955, стр. 291—293 и A. Kollautz, *Die Awaren*, «Saeculum», V, 1954, стр. 129—178.

<sup>33</sup> АЕ, I, 1881, стр. 150—172; «Alterthümer», II, стр. 124—127 и табл. 101—102.

<sup>34</sup> АЕ, XL, 1923—1926, стр. 152.

<sup>35</sup> АЕ, 80, 1953, стр. 136.

Следовательно, в Трансильвании второй половины VIII в. наблюдается политическое господство славянских племен, осуществляемое или именем аварского кагана с резиденцией в Тепе около Дебрецина<sup>36</sup>, как указывают на это поясные наборы двух могильников, или же независимо от аварского владычества. Пока мы не можем точнее установить предел даты обоих могильников, который, однако, не может относиться к более раннему периоду середины VIII в., также как аварские находки, известные до настоящего времени, не могут быть датированы периодом позже начала VIII в. Между последними аварскими находками и началом славянских могильников существует промежуток времени, по меньшей мере, в несколько десятилетий. Возможно, что будущие исследования смогут еще больше сблизить эти две категории находок. Появление материальной культуры славян во второй половине VIII в. остается исторической действительностью, исключительно важной и неопровержимо установленной. Поселившись, вероятно давно, на территории Трансильвании славянам, долго прожившим под аварским владычеством и влиянием аварской культуры, наконец удалось проявить свою материальную и духовную культуру. Их своеобразные традиции, выражающиеся в религиозных верованиях и связанных с ними погребальных обрядах, доказывают, что они все время сохраняли неискаженными свою сущность и этническую специфику. Славяне обогатили свою материальную культуру благодаря длительному сосуществованию с местным населением, от которого они переняли и в дальнейшем развили, придав свои формы, керамику, а также благодаря связям с аварами, влияние которых, по-видимому, больше всего сказалось на руководящем классе.

Проявление славянского элемента в Трансильвании совпадает с моментом упадка и окончательного падения аварского владычества в VIII в. Полное отсутствие каких бы то ни было элементов болгарской выделки в могильниках Сомешени и Нушфалэу доказывает, что болгарское государство, которое в это время укреплялось, а позже в царствование Крума (802—814) распространилось и к северу от Дуная<sup>37</sup>, не участвовало непосредственно в этих исторических событиях, по крайней мере в северо-западной части Трансильвании.

Установить более точно поздний предел сомешенского могильника, а также исторические обстоятельства, обусловившие его конец, нельзя. По-видимому, его длительность немногим превышает начало IX в.

Несмотря на это, полагаем, что на основании венгерских хроник этот факт можно связать с событиями X в. Так называемая хроника Анонимуса (*Gesta Hungarorum Anonymi Bele regis notarii*) говорит с многочисленными подробностями, среди которых имеются анахронизмы, местами носящие даже характер легенд о сопротивлении, оказанном венграм местными политическими формациями под руководством *ducī* (князей), тогда как по словам хроники во время Арпада, в сущности немного позже, во второй половине X в. венгры продвинулись к востоку, проникнув в область Бихор, а затем в залесные территории, за вершины Месеша в собственно Трансильванию. Одним из князей, т. е. воеводой, был Менуморот, с резиденцией в крепости Бихор. Второго князя, по имени Джелу, называли *dux Blachorum* или *dux ultrasilvanus*. Победенный Тухутумом у ворот Месеша, Джелу обратился в бегство, торопясь достичь своей крепости у реки Зомус (Сомеш), но его настигли и убили в битве при реке Копус (Кэпуш)<sup>38</sup>. Современные нам историки связывают имя Джелу с наименованием Джилэу около Клужа. Были сделаны попытки обнаружить во время археологических раскопок название его крепости в Джилэу, но они остались безрезультатными. По всей вероятности имя Джелу было

<sup>36</sup> G. László, там же, стр. 291.

<sup>37</sup> Al. Grecu, *Bulgarii în nordul Dunării în*

*sec. IX—X*, «*Studii și Cercetări de Istorie Medie*», I, 1950, стр. 223—236.

<sup>38</sup> *Gesta Hung.*, XXVII.

вымышленным, взятым по имени поселения Джилэу при слиянии Кэпуша и Сомеша (рис. 1). Крепость же его находилась выше по течению реки Сомеш. После его смерти территория подпала под венгерское владычество.

На территории нынешнего Клужа, юго-восточной окраине города, на террасе правого берега реки Сомешул Мик<sup>39</sup> еще в 1911 г. было открыто и исследовано венгерское кладбище первой половины X в. Так как это единственное венгерское кладбище, известное в Трансильвании и относящееся к этой эпохе, можно допустить, что погребения всадников в Клуже принадлежат первым венграм, проникшим за горы Месеша. Можно предположить, что, победив Джелу, венгры вполне естественно обосновались на его месте или вблизи крепости побежденного, в бывшей резиденции княжества. Сведения Анонимуса полностью совпадают с этим определением местности. Но венгерское кладбище X в. находится всего в 3 км от славянского могильника в Сомешени (рис. 2). Таким образом крепость Джелу была расположена очень близко, может быть на том же месте, что и более старое, возможно, укрепленное поселение, где, вероятно, жили славянские князья, погребенные в могильнике на берегу Сомешенского болота. Таким образом воеводство Джелу является как бы продолжением более ранней славянской политической формации, а сам Джелу, независимо от того как он назывался, примерно около 800 г. делается приемником славянских князей. Итак, имеется целый ряд сведений, соответствующих одно другому и имеющих совершенно ясное историческое значение.

Если исторические события последних двух веков первого тысячелетия н. э. развивались согласно выдвинутой гипотезе, сам по себе напрашивается не менее важный вывод относительно социально-политических и этнических изменений, имевших место до прихода венгров. Сомешенский могильник принадлежит подлинным славянам и является выражением их политического господства. Но Джелу назван *dux Blachorum*, а жители залесских областей *Blasii et Sclavii*, т.е. румыны и славяне. Следовательно, за время одного с лишним столетия соотношение между двумя этническими группами, долгое время проживавшими совместно, изменилось, политическое же руководство из рук славян перешло в руки румын.

Одновременно с этим произошла ассимиляция славянского элемента дако-романским населением, что видно из указаний лингвистического характера и документальных сведений. Славяне были одно время очень многочисленны на территории бывшей Дакии. Это явствует из теперешней топонимии, в которой за исключением некоторых названий рек, сохранившихся еще с античных времен, славянские названия представляют собой самый ранний слой, а также из лексики румынского языка. Окончательное уничтожение аварского владычества в конце VIII в. создало исторические предпосылки, благоприятные для подобных изменений. Местный элемент, в течение веков пребывавший на самом низком общественном уровне и потому давший так мало археологических находок, получил наконец возможность подняться и самоутвердиться. К моменту прихода венгров на территории Трансильвании этот процесс был в полном разгаре. Предполагается, что процесс этот длился еще примерно два века—до XII в., в течение которого больше не упоминается о славянах, а только о румынах. Если описанный нами исторический процесс этногенеза румынского народа, основанный на неопровержимо реальном, хотя и ограниченном небольшой территорией положении, содержит хотя бы долю истины, то археологические открытия и исследования смогут в дальнейшем заново осветить процесс его развития.

М. МАКРЯ

<sup>39</sup> I. Kovács, *Der landnahmenzeitliche Friedhof von Kolozsvár-Zápolya Gasse*, «Közlemények», II, 1942, стр. 85—118.